

ОБЪ АГИТАЦИИ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

На очередь вопрос: как разрушить или расшатать строгую дисциплину в армии, как вывести солдат из беспримысленного подчинения офицерам, как вырвать из их руки оружие и все права властей? Вопрос неотложный и важный. Единственный путь к решению этого вопроса может быть только один — широкая агитация в войсках. Повседневные нужды солдат должны быть в центре внимания агитации. Агитация должна дать богатый и тому материал.

В казармах господствуют заварские, дикие порядки, — шпиряди возмущающие солдат. Только разны, разбоснощенны и отсутствие способов для выражения единичного возмущения убавляют критическую мысль и заставляют борютошно, тупо, в одиночку нести свой тяжелый жребий. Если же ожидать, что в памяти пережитое, если показать возможность сбросить гнет, объединявшись для протеста и борьбы, если наглаголо помянуть, что освободительное рабочее движение нести, то подобно освобождению встать, а следовательно, и солдаты, то подобно забытая солдатская мысль, и могут начаться крупные движения в казармах.

Солдаты несут на себе и экономический, и правовой гнет. При ничтожных отпусках от казны на удовлетворение всех нужд солдата, его положение значительно ухудшается тем, что только малая доля этого отпуска доходит до солдата. Большая же доля липнет к рукам командира полка, заведующего хозяйством, ротного командира, фельдфебеля, адъютанта и т. д.

[illegible]

Во что прошесть лет на фонтане похвала и безмолстия. Солдаты бьют офицера, фельдфебеля, унтер-офицера, за ползая службу¹, за вразумления, за подержания дисциплины и т. д. А что такое военный суд? Переводная статья военного судопроизводства гласит, что ради поддержания дисциплины и престижа власти дало между офицерами и солдатами должно всегда быть рвению в пользу офицера. Военный суд существует не для осуждения виновных, для усиления налагаемых на солдат вымыслов... — дальше. Дисциплина Устава² предоставляет право солдату возмущаться, возмущаться несправедливому обращению и погугу, повелевая: Но мы не знаем на одного солдата, чтобы возмущаться, если мятущий спуски, злобачий не быть преданы.

[illegible]

Агитационные требования

Улучшение пищевого и вещевого довольства за счет казенных сумм.
Выдача на руки всех "заработных" денег, без всякого удержания в пользу казны или перечисления в артельные (тоже казенные) суммы.

Отмена обысковъ въ казармахъ.
Отмена обязанности офицеровъ вскрывать и прочитывать всѣ солдатскія письма. Выдача всѣхъ писемъ (простыхъ и душевныхъ) закрытыми.

Открытие читальни и библиотекъ, съ предоставленіемъ самимъ нижнимъ чинамъ завѣдывать выборомъ газетъ и книгъ для нихъ и отмена правилъ, запрещающихъ пользоваться городскими общественными читальнями и библиотеками.

Запрещеніе употребленія войскoвыхъ частей для полицескихъ службъ.

Обязательный двух-часовой обеденный отдых.

Полный дневной отдых после всех ночных дежурств (после смены с караула, дневальства, сторожевой, посыльной службы и т. д.).

Предоставление права жаловаться и на строюсть дисципли-

Замѣна полковыхъ и всѣхъ другихъ военныхъ судовъ общими судами.

Всё зло/потребления властью и всё дела по жалобам низших чиновъ на начальство должны разсматриваться судом почему и жалобы подаются не „по начальству“, а непосредственно въ судъ.

Офицеры.

ОБЩЕЕ.

ВСЕРОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТАЧКА.

[illegible]

Дать лезуныги — не выбирать, значило бы не бойкотировать комиссию Шалдовского, а отрезать себя от массы, которая, в силу слабости нашего влияния, за нами не пошла бы. Поминимного соображения, *таких лезуныгов* нам никогда давать не приходится даже при убежденности, что масса их воспримет. Основная задача в подобного рода подлатческих комбинирований, как комиссия Шалдовского, это — создание платформ

[illegible]

Исходная точка кампании выражена в первом нашем листке о коммиссии Шелдовского. Началась работа чрезвычайно интенсивная. Происходило множество собраний на десятках сотен, а иногда и тысяч рабочих. Эти тысячные собрания устраивались таким образом: на завод проходили такие ораторы и организаторы. Появляя на двор завода, они начинали кричать: «выходите на работу». Организаторов или просто активистов, которые в работе делали свое дело из мастерской. В короткое время завод находился в многоточной толпе в митинг открывался. На десятках собраний развивались предварительные требования, формулировались в десятках «Группы» и отдельных районов. Разъяснения по поводу призывов были прекрасны.

Надвиг 1¼-го прошлою премеж, чым Шавловскі аб'явіў свой парадокс выбаров. З гэтым аб'яўленьем кампанія наша ўступіла во вторую фазу своего развития. Перед нами стояла вопрос: что и как дальше? Логически и правильно было бы выбрать лозунг — *отказываемся от выборов*. Но тактично это было бы только с внешней стороны. На самом деле, выборы — явление, как просто и очевидно, как мы могли рассчитывать. Фактически же выборы — это проявление свободы предвыборной агитации, фактически проводилось много собраний, фактически депутаты были выбраны еще до публикации Шавловского и были выбраны правильно, а не двухстепенными выборами. Затягивать у нас было все тоже опасение — как бы не отравить себя от массы, как бы не остаться в одной только роли несовершенного — ввиду несовершенства наших средств и прочее размышление, — и не быть лишними в роли агитаторов, а не агитируемых, а не агитируемых. Одно, конечно, связано с другим, но только в том случае, если масса действует в соответствии с ними.

Второй листок по поводу комиссии открывал вторую статью нашей кампании. Разъясняя значение и характер публикации Шведского, мы советуем отказаться от двухтепного выбора, и настаивать на выборах из публики. Мы советуем, чтобы в комитет, который будет иметь за себя выработать требования, которые будут предъявлены к комиссии. Требования эти сведены к требованию созыва Учредительного Собрания — Все это массой приложено к листку, который мы разбрасывали по всем собраниям, и в частности к комитету, который был избран на выборах. Мы также, выходящими, рассказали прежние депутаты, выбранные от публики, и часто им напоминали об обязанности выбрать такого-то депутата из ком-

миссию. Выбывал курьез: на некоторых громадных собраниях — на патронных и на членских других заводских — тех же выбранных членских комитетов ораторов. Нообразие тем было исключительным. И в то же время, несмотря на то, что значительный процент сосредоточивался на самых выбранных. Въ общем, масса выборщиков из 400 приблизительно человек составляла примерно: из 20% организованных, социальнеокрашеных, 40% политически радикализированных рабочих, из 30 или 35% „экономистских“ рабочих и незначительной доли темных элементов. Но доля последних была незначительна. И в то же время, несмотря на то, что Игитк, являясь с массовой агитацией, началась усиленная агитация среди выборщиков. Объём интенсивности вы можете судить по тому, что въ среднем можно считать на каждого выборщика 4-5 собраний за вышедший короткий промежуток времени. А исключение агитацией громадное большинство выборщиков.

Ридков: мы рассмотрим о нашей политике по отношению к коммунистам Шиндлякова у нас какникакой раз, возникала вопрос, о нашем отношении к забастовкам. Вы знаете, что рабочие все время возникают. То бывают один завод, то другой. Бывают заводы даже, два, иногда больше, потому начинают забастовку через несколько дней опять забастовка. Нам необходимо было объединять все забастовки в одно русло, чтобы этой энергии нормальный исход. Мы, поэтому, давали лозунг, что в день открытия комиссии все рабочие бросили работу и знамя своей солидарности с депутатами, которые в первый же день должны были произнести в комиссии следующие положения: мы должны знать правила, к забастовкам, что укаанной митинговой является на второй день.

ВСЕРОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТАЧКА.

[illegible]

Дать лезуныги — не выбирать, значило бы не бойкотировать комиссию Шалдовского, а отрезать себя от массы, которая, в силу слабости нашего влияния, за нами не пошла бы. Поминимного соображения, *таких лезуныгов* нам никогда давать не приходится даже при убежденности, что масса их воспримет. Основная задача в подобного рода подлатческих комбинирований, как комиссия Шалдовского, это — создание платформ

такти, которые, именно, в силу своей *социальной* несоплатности демократичности, разумеется, эту партию "самоочисляются" и не захотят. Как-же sie совмостить? "Революционная эпоха", конфузливо борнотчет переводчица № 9. Но развz мы, вообще, не имеем понятия о "революции"? Или, может быть, вы спросите: мы? А наша старина знаковая, переводчица № 9 совершенно качает головой: "революционная эпоха"... за "этими" словом, скрывается как-то не искусственно подогнаты "фальшь". Разумеется, права быть переводчица № 9, и мы можем поздравить "Искру", что она, наконец, додумалась до той истины, которую так долго растолковывала "новая Искра". Но, поверьте, зачтем же в такую "случай" лгать эту самую "Искру"? Во вторых, как-же sie нести так с "паргарафами", расписав обобщенный миф: "революция № 9 и "революционная эпоха" являются "сужоним" "здрит, расширить" рамка партия? Как влеть революционное движение пролетариата? Во треть же № 9 "Искре" "бюро комитетов "блестяниста" (Пасушный вопрос" говорить, что "для вынужденного периода полнотажной жизни русског пролетариата специальной ему собственной формой приняв политический борьбы является созидание стачки с демонстраций". Стало быть, ректораты, расписав обобщенный миф: партия "Искра", "Искре" может расписывать выплывать "плутую" "организаций", "демонстраций" и демонстраций". А во чет. Ленинна-да смыслил мы, что, если-бы сотня и тысячи артеушуды за стачка и демонстрация рабочих омысливались неленными партийными организациями, это доказало-бы только, что нация организаций хороша, что мы выполняем свою задачу-законсервировать" и т. д. Протоколы II съезда (стр. 25). Вино, "Искре" рзительно не выполнит свою задачу? Или, может быть, Ленин, смыслил?

[illegible][illegible]

¹⁾ Согласно „Русск. Вед.“, наоборот, большинство высказалось за прямое избирательное право. („Русск. Вед.“)

